

ИНТЕРЕСНОЕ ВРЕМЯ

Леонид
Никитинский

Белая карета

П О В Е С Т И
Р А С С К А З Ы

МОСКВА 2019

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2=411.2)6
Н62

Художник
Валерий Калныньш

Никитинский, Л. В.
Н62 Белая карета : повесть, рассказы / Леонид Васильевич Никитинский. — М. : Время, 2019. — 320 с. — (Интересное время).

ISBN 978-5-9691-1837-9

«Проблесковый маячок» — так это у них называется. Всполохи мерцающего сознания: про что была до сих пор твоя жизнь?» Этот вопрос задает себе не только герой новой книги Леонида Никитинского «Белая карета», но и сам автор, известный журналист, сотрудник «Новой газеты». В журналистике категорически запрещено что-нибудь выдумывать — правда и только правда, но в повести или рассказе автор создает целый мир, в котором (если у писателя хватит ума и таланта) та же правда может явиться еще яснее. У Никитинского всего хватило. Хирург Михиладзе, доктор Лиля и анестезиолог Голубь войдут в вашу жизнь, словно бригада неотложки в распахнутую настежь дверь, — войдут и помогут, если вам плохо, если мутит от окружающей действительности, если смысл существования едва брезжит. «Автор ставит замечательный диагноз сегодняшнему времени, в котором звучит и голос подавшего с утра народа, и растерянность перед жизнью интеллигента, и осмысленность профессионала, и тоска по мировой культуре. Умная, человечная и нежная книга» (Людмила Улицкая).

ISBN: 978-5-9691-1837-9

ББК 84(2=411.2)6

© Никитинский Л. В., 2019
© «Время», 2019

Белая карета

Настолько ли фатально, что мы не знаем иного способа речи, нежели комментарий?.. (Это) обрекает нас на бесконечную задачу: всегда есть дремлющие означаемые, которым нужно дать слово.

*Мишель Фуко. Рождение клиники**

* Здесь и далее используется текст книги Мишеля Фуко «Рождение клиники» в переводе А. Ш. Тхостова. — М., Академический проект, 2014.

Порой мне кажется, что те, кому было бы интересно это прочесть, все уже умерли. Мир стал глобален, и говорят, что факт рождения в каком-то определенном месте уже не имеет прежнего значения. Но и отрезанная нога может болеть хуже живой, а с другой стороны, важно не только место, но и время: и разве, кроме родины, у нас есть еще что-нибудь, чего уже нет и что было бы, таким образом, достойно описания?

Впрочем, я только переводчик. Это не миссия, а ремесло, которым я, что называется, в поте лица своего зарабатываю хлеб свой. Хотя теперь деньги у меня есть и я мог бы этого уже и не делать. Фуко, которого я перевожу скорее для забавы, настаивает, что медицина сыграла важную роль в появлении письменности: диагнозы и методы лечения не должны были утрачиваться. Стоят ли того, чтобы их записывать, просто сопутствующие мысли — это вопрос дальнейшего развития.

Недавно, когда, полив цветы, я задремал на диване в дедовом кабинете, мне снилось, будто бы я должен прочесть

какую-то лекцию или сделать сообщение, и там были они все: и Хи, и Голубь, и Лия — и вот я раскрываю рот, как рыба в аквариуме, но не выходит ни звука, не хватает дыхания, чтобы сказать — я даже не знаю о чем. Наблатыкался подбирать подходящие слова, чтобы пересказывать чужие, а найдутся ли у меня свои собственные? Я кинулся, запер квартиру, прыгнул в машину и приехал сюда — в дом отдыха, где никому ничего не должен. Лучше думается здесь, где никому до тебя нет дела и сознание «дома» не давит тебе на плечи, когда ты повис над листом.

Четыре года как меня преследуют скорые, я насчитал их пять штук, пока доехал, в чудовищных пробках на Ленинградском проспекте: вот позади их приближающийся, не оставляющий выбора вой и синие всполохи. Там, внутри, на грани, жизнь больного обретает какой-то смысл, который промелькнет, как всполох. Это тот же самый синий свет, что и в больничных окнах ночью, но в предельной концентрации. Как предложение не может раскрыть свой смысл, пока в нем не поставлена точка, так и жизнь — вот здесь, многоточием. «Проблесковый маячок» — так это у них называется. Всполохи мерцающего сознания: про что была до сих пор твоя жизнь? (Ведь она конечна.)

Часть первая

Первого марта 2014 года (я восстановил число, так как в этот день Совет Федерации разрешил президенту использовать на территории Украины российские войска, которые, как он сам позже признается, там и так уже были) мне позвонили из посольства, чтобы сказать, что Анри упал со стремянки и что-то себе сломал — он почти без сознания, еле-еле набрал их номер. К нему уже вызвали скорую, но кто их знает, умеют ли они говорить на каком-нибудь языке. Я бросил перевод Бодрийяра и поехал в район «Аэропорта». Шел мокрый снег, на лобовое стекло летела грязная жижа. По дороге я набирал Анри, но он не отвечал, и я подумал: а вдруг он так покалечился, что вернется к себе во Францию? Тогда я сдам квартиру какому-нибудь еще басурманину и буду жить на эти деньги, пусть и скромней. Конечно, я потеряю заработок, но то, чем мы занимались в то время с Анри, мне как раз больше всего и обрыдло.

У подъезда стояла скорая, кремовая, с красным крестом, водитель курил рядом, вид у него был безучастный, словно вскоре ему предстояло увезти отсюда не живого человека, а что-то ставшее ненужным в быту.

— Вы в двадцать шестую? — уточнил я.

— Да, но они не могут войти уже десять минут. Вы отсюда, у вас есть ключи?

Лифт был занят, и я взбежал на четвертый этаж по лестнице. Перед дверью в полутьме подъезда (лампочка, как всегда, не горела) я еще с лестницы различил две фигуры в синих как бы скафандрах — только на уровне щиколоток у них белели светоотражающие полосы. Одна была ростом, пожалуй, выше меня, а на второй ее негнувшийся комбинезон болтался, как на ребенке, которому его купили на вырост.

— Вы из этой квартиры, с ключами? А то мы уже спасателей вызываем дверь ломать, — сказала маленькая из полутьмы слишком низким для ее роста, чуть сипловатым голосом.

— Он что, без сознания, не может открыть?

— Он говорит, что не может одной рукой, а вторая у него сломана.

— Так вы понимаете по-французски?

— Да, немного понимаю и говорю, — она чуть понизила тон, словно признаваясь в каком-то своем тайном пороке. И громче: — Открывайте, чего вы ждете?

Из-за двери послышался стон и невнятные ругательства, но голос Анри был слаб. Я достал ключи, вставил сначала один, потом второй, потом повернул их одновременно и в то же время потянул дверь на себя, объясняя попутно:

— Он сам себе устроил тут западню, ха-ха. Он специально привез из самой Франции и вставил два каких-то хитрых замка, но их надо открывать одновременно, а одной рукой этого сделать не получится...

Дверь распахнулась, и мы втроем вошли в квартиру. С полутемной лестницы, где вечно пахло чем-то жареным из-за дверей соседней квартиры, которую тетя Рая теперь сдавала гастарбайтерам, вы сразу попадали как будто в другой мир — чистоты и стиля. Уборщица приходила к Анри два раза в неделю и дело свое знала: паркет блестел, отражая верхний свет в гостиной, и сейчас мы оставляли на нем три цепочки грязных следов. Как позже объясняла Лиля, у бригады скорой всегда есть бахилы в комплекте, но надевать их считается моветоном: инфаркт ведь не будет ждать, пока вы переобуетесь.

Доктор, которая покрупнее (фельдшер, как окажется потом), подхватила осевшего Анри под здоровую руку и потащила, как пустой мешок. Так мы обошли опрокинутую набок стремянку и раму с осколками стекла на полу.

— В спальню, кровать там, — подсказывал я маршрут, продолжая объяснять по дороге: — Можно было, конечно, оставить и мои старые замки, они были вполне надежны, но ведь француз не верит никому в России. А ужас, который внушает ему наша загадочная страна, рождает во мне даже что-то вроде национальной гордости...

— Вы слишком много болтаете! — сказала маленькая, тащившая большой зеленый ящик, где у них были инструменты и лекарства. — Клади его, Тамара...

— Ну почему, Лиля, пусть рассказывает, забавно, — сказала Тамара, укладывая француза сверху на тахту, и я догадался, что она решила просто прийти мне на помощь: женщина добродушная, на свою мужиковатость она просто махнула рукой.

— Comment ça va?.. — спросила маленькая, склоняясь над французом и осторожно щупая своей почти детской рукой сначала его лоб.

— Merci, — отвечал он с вымученной улыбкой, так как на этот вопрос и нельзя ответить никак иначе. В лежачем положении боль была, видимо, терпимей, и лицо Анри приобрело более осмысленное выражение. Он начал объяснять, что хотел только повесить портрет, но эта чертова русская лестница... Он лопотал торопливо и бессвязно, и доктор явно перестала его понимать. Я начал было переводить, но она снова оборвала:

— Да, ясно, я видела лестницу. Спросите: голова кружится? Он теряет сознание?

— Да, несколько раз, — перевел я. — Очень больно шевелить рукой...

— Тамара, промедол! Сорок миллиграмм, внутримышечно...

Фельдшер перевернула Анри, словно доску, успев растегнуть на нем джинсы, ловко отломив носик ампулы и уже набирала прозрачную жидкость в шприц.

— Monsieur, votre cul s'il vous plaît...

Слово «cul» переводится как «задница», если не грубее, и доктор должна была сказать, конечно, по-другому. Анри засмеялся и тут же взвыл от боли в ребрах, а Лиля выхватила у Тамары шприц и сама вонзила его ему в ягодницу молниеносным движением, как будто хотела пригвоздить больного к постели. Вся процедура не заняла и нескольких секунд. Француз изумленно затих, пытаясь сбоку заглянуть ей в лицо.

— Не вертите головой, — скомандовала она. — Ne tournez pas votre tête (упрощенно).

— Так переводчик вам тут не нужен? — спросил я. — Тогда можно я пойду полюю цветы в кабинете? А то бог знает когда я здесь окажусь в следующий раз...

— Тома, у тебя есть сигареты?

Фельдшер похлопала по карманам скафандра:

— Я забыла в машине.

— У меня есть, — сказал я, — пойдёмте, если вас устроят Gitanes — они крепковаты...

— Ты побудешь с ним, Тома? — И мне: — У нас есть пять минут, пока он перестанет чувствовать боль. Потом я вызову водителя, а вы поможете снести его вниз...

Мы вышли сначала в гостиную, которую Анри переделал из двух комнат, сломав перегородку. Когда шесть лет назад я сдал ему дедову квартиру, он затеял ремонт по своему вкусу, и я переводил его капризы прорабу, мысленно прося у деда прощенья. Между кухней и гостиной он устроил что-то вроде барной стойки, за которой ни разу никто не пил, во всяком случае при мне. Гостиная стала как бы оплотом Франции, защищенная от варваров тем оружием, которым иногда, пусть и ненадолго, их удавалось остановить, — стилем. Анри любил, чтобы все было в единственном экземпляре: одно кресло, один стул, одна ваза с одним цветком, но всегда свежим, и даже если на кухне, когда я уходил, оставались две одинаковые чашки, то и они стояли как бы врозь, будто никогда не имели друг к другу никакого отношения.

По одной фотографии висело на каждой из стен: их присылал из Парижа друг Анри — модный фотограф. На каж-

дом черно-белом или коричневатом отпечатке светилась безукоризненная красота женского тела: без пошлости, но, пожалуй, и без жизни. Все девушки были тощи, красиво завинчивались руками или ногами, иной раз прижимали к соску какую-нибудь грушу. Периодически Анри менял эти фотографии и спрашивал, как мне нравятся новые, но особой разницы между ними я не находил.

— Он что, решил повесить вот это вон там? — спросила Лиля, обходя осколки и фото очередной девушки в коричнево-белом отпечатке. А если поднять от нее глаза вверх, там в рваной ране от поехавшей стремянки были видны внутренности старых, знакомых мне с детства обоев неопределенного рисунка — «в огурцах», как называл их дед.

Отвечать было не нужно и не хотелось, я достал сигареты из куртки и показал ей на дверь кабинета, перекрашенную кремовой краской только с наружной стороны:

— Здесь у него не курят, но там можно. Там российская территория...

Дедов кабинет я все-таки спас от ремонта. В нем остался письменный стол поэта и кое-какие книги, а стулья и картины я почти все увез на дачу. Я зажег лампу под абажуром на столе и указал ей на кресло рядом, подвинул пепельницу, а сам устроился на диване.

Она расстегнула скафандр и как бы немножко высунулась из него, чтобы прикурить от протянутой зажигалки, как птенец из гнезда — еще не научившийся летать и беззащитный. У нее оказались светло-карие глаза и каштановые, чуть в рыжину под отсветом лампы, довольно длинные волосы — я думаю, это ее натуральный цвет, хотя до сих пор

не знаю точно. Скулы чуть высоковаты, что придает ее лицу голодное выражение, а линия губ под ними, наоборот, брезгливая: такой рот только покривится, если положить перед ним что-нибудь не то. И он все-таки слишком красный для ангела.

Женщина с картинки или даже с картины — такой я ее увидел сразу, это не стало позднейшим наслоением, только эту картину, которую я когда-то где-то уже видел, я вспомнить до сих пор так и не могу. Она затянулась, стряхнула пепел и погладила рукой с сигаретой ближний из маленьких домиков, которые были расставлены на столе.

— Какая прелесть... Вы их собираете?

— Собирал когда-то... Осторожней, я давно не вытирал их от пыли. Это всё копии настоящих. Этот, который вы сейчас тронули, как раз был первым, я упросил отца его купить в Берне, хотя в то время советские люди не любили тратить иностранные франки на всякую ерунду. Мне было тем летом, постойте-ка... тринадцать, я ездил к родителям на каникулы в Швейцарию, отец работал в женевском офисе ООН. А вон тот из Англии, мне его привез один приятель, но это уже, наверное, в восемьдесят третьем, меня тогда выперли из МГИМО, а он, наоборот, начал ездить за бугор... Отдать их некому, сын уже взрослый, а выбросить тоже не поднимается рука. Хотите, я вам подарю какой-нибудь?

— Нет, спасибо, — сказала она с сожалением, — вот этот мне очень нравится, но сейчас у меня у самой нет дома, где его поставить. Так это ваша квартира?

— Дедова, но я сдал ее французу, а сам живу на даче теперь.

— Понятно, — сказала она, гася в пепельнице окурок. — Вкусные сигареты, не то что у нас продают, хотя натошак такие не покуришь. Это он вам привозит?

— У них в посольстве есть свой магазин.

— Дайте, что ли, еще одну.

— Ой, я же собирался полить цветы!.. — вспомнил я, протягивая ей голубую пачку. — А он там — ничего?

— У нас всегда все операции по плану, — сказала она и крикнула в спальню, по-хозяйски приоткрыв дверь: — Тома, еще три минуты, окей?

Она снова опустилась в кресло и потянулась за книжкой, которую я забыл тут, на столе, наверное, полгода назад, а Анри по нашему негласному уговору в эту комнату не заходил.

— «Naissance de la Clinique»... «Рождение клиники» — я правильно перевела? Вы тоже имеете какое-то отношение к медицине?

— Нет, что вы, я просто переводчик, — объяснил я, поливая дедов фикус из лейки, — я ее оставлял тут, чтобы вода отстоялась. — И там не совсем медицина, хотя много про историю больниц во Франции. Но все-таки это больше философия — Мишель Фуко.

— Фуко — это который маятник?

— Нет, это другой. Философ второй половины прошлого века. Ах да, он получил еще и диплом по психопатологии.

— Интересная книжка? О чем там?

— В двух словах не объяснишь. В общем, клиника в современном смысле появилась в конце восемнадцатого века, а до этого болезнь понимали больше умозрительно и как бы

саму по себе, отдельно от человека. Фуко интересует как раз то, что есть общего между вашей и моей профессией: значение слов, аппарата. Чтобы понять болезнь, надо сначала ее описать.

— Да, это важно, — сказала она. — Это можно прочесть по-русски?

— Есть перевод, но он не очень нравится. Я сейчас как раз перевожу ее заново.

Я уже вылил всю лейку, и мне надо было сходить на кухню набрать новую. Мне не хотелось, чтобы она узнала, чем мы с Анри занимаемся на самом деле. Хотя тогда я не думал, что мы с ней еще увидимся. Правды ради, Фуко и Бодрийера я тоже перевожу, но на это нельзя прожить.

— Так над чем он так ржал?

— Кто, Фуко?.. А, вы имеете в виду Анри!.. У вас довольно хорошее произношение, но это слово, если быть точным, переводится как... Ну, хм...

— Жопа?

— Скорее так. Но это точно не клиническая терминология.

— Ладно, пошли, — сказала она, вставая и сминая окурок. — Пора уже нести, ему сейчас хорошо, ни фига не больно...

Выходя за ней с лейкой, я еще удивился, какая у нее прямая спина — как у всадницы на одной из тех дедовых картин, которые теперь пылятся на чердаке на даче. Образ — все в конце концов только образ, гештальт, завораживающий до тех пор, пока жизнь не стукнет нас мордой о стену настоящего. Но образ всякий раз появляется в каком-то обрамлении,

в рамке обстоятельств времени и места, и все это он потом тащит за собой, и мы сами тоже оказываемся навсегда вписаны в эту рамку, даже если образ оказался не тот.

Я спохватился и нашел шоколад и шампанское, благо такого добра в закромах у Анри всегда было навалом:

— Вот тут как раз Восьмое марта будет скоро...

— Спасибо, это мы с Томой после дежурства раздавим, — сказала доктор, буднично принимая дары. — Да, вот еще... Вещи сейчас уже некогда собирать, подвезете потом, а водку какую-нибудь хорошую захватите для Хи, мало ли что. Коньяк он не пьет, то есть пьет, конечно, но любит водку... Нет, зачем вы мне ее суете? Мы его сдадим и уедем за следующим, а с хирургом будете разговаривать вы. Ну? Раз-два!..

Анри глупо улыбался и пытался вяло возражать против носилок, но спорить с врачом было не положено. Когда мы с водителем его подняли, он вдруг забеспокоился и спросил:

— Куда они меня везут? Переведи, пожалуйста. У нашего посольства есть контракт с Американской клиникой, там все говорят хотя бы по-английски, мне надо туда.

— Американская клиника — это да! — сказала Лиля. — *C'est quelque chose!* Вы ему объясните, что у него перелом мелких костей кисти с вывихом. Ребра срastутся, а перелом надо по-настоящему оперировать, он может оказаться сочтаным...

— Как?

— Ну, черт его знает что еще может быть у него, сотрясение мозга например.

— Твой друг-лягушатник русских девок хочет еще по-лапать? — добродушная Тамара решила объяснить доход-

чивей. — Чтобы пальцы слушались, надо в нашу больницу. Лиля позвонит своему Михиладзе, а американские-то в русской травме что понимают?

Мы стащили Анри по лестнице — он был такой субтильный, что казалось странным, как он вообще мог сверзиться со стремянки, а не спланировал с нее, как лист. Водитель ловко запихал его по рельсам в пикап, а Тамара закурила и сказала, как бы подводя итог:

— Погода, блин, хрен проедешь, все русские люди руки-ноги на улице ломают, а этот со стремянки на... (глагол заглушил шум проехавшей мимо машины) — одно слово: француз. А ты, переводчик, поезжай следом, где приемное отделение, знаешь? А то в травме народ простой, если что не так поймут, что-нибудь не то и отрежут, а ему это самое может еще пригодиться, он, вон, молодой еще.

— Садись вперед, Тамара, — скомандовала доктор. — Я поеду с больным.

— Только ты сразу в фургоне ему не давай, — сказала Тамара, стреляя окурком в сугроб. — А то Гоги его зарежет, он же наполовину грузин, будет конфликт международный. Это я шучу, не обращайтесь внимания, — добавила она для меня. — Хотя в каждой шутке есть доля шутки, как говорится. Ладно, поехали...

Карета тронулась. Какое-то время я пытался гнаться за ними по снежной каше, но их водитель включил сирену и синий маячок, а на проспекте они развернулись поперек двух сплошных и умчались — в сиреновой от сумерек метели синие всполохи были видны еще долго, словно чистое северное сияние над чадящими пробками Москвы.

Я отстал от них, наверное, минут на пять и потерял еще десять, пока ставил машину у ворот и бежал по снежной каше до приемного отделения.

* * *

В приемном покое огромной городской больницы здоровый человек скоро начинает искать, чем бы заняться, а делать-то тут совершенно нечего, пока ты ждешь и смотришь, как санитары с волосатыми руками, деловитые, как черти, увозят совершенно тебе незнакомый очередной полутруп в бесконечность коридора. И с больным, которого ты мечтаешь им поскорее уж сбыть, ты начинаешь болтать лишь бы о чем, как с ребенком, только бы не думать, что, не ровен час, и тебя точно так же повезут туда, куда тебе пока вход воспрещен и где все — неопределенность.

Анри лежал на каталке у стены, совершенный сирота. Торопясь к нему по коридору, который шел здесь то чуть вверх, то спускался, как улица, я увидел еще издали, как он пытается что-то втолковать проходящим мимо женщинам в халатах с помощью случайно запомнившихся русских слов, которых он до этого не учил из принципа. Наконец я зашел с той стороны, где он мог меня увидеть.

— О! — сказал он. — Mon Dieu! Слава богу! Не бросай меня. Тут все так мрачно! Они один раз уже увезли меня одного, но, к счастью, это оказался только рентген. Lila уехала, но написала мне фамилию врача на бумажке. Она ему звонила, он должен спуститься за нами. Врачу надо отдать

водку, но потом. Там на бумажке еще ее телефон, поэтому я тебе ее не отдам, ты только прочти фамилию врача по-русски.

Он протянул листок, не выпуская его из здоровой руки, там было написано: «Георгий Вахтангович Михиладзе». Анри добавил, блаженно прикрыв глаза (черт знает что еще ему померещилось под промедолом):

— А ее зовут Lila — как «сирень». Она совсем неплохо говорит по-французски...

В самом деле, впоследствии ей иногда больше шло Lila с ударением на последнем слоге, а при других обстоятельствах просто Лиля, а на самом деле по паспорту ее зовут Лия, Лия Бахтияровна Кипчакова — и это все не один и тот же персонаж.

Конвейер между тем работал бесперебойно, мимо нас провезли старуху с синим лицом, шедший сбоку немолодой человек одергивал полу халата, открывавшую такую же синюю ляжку: вероятно, это была его мама, но одергивай не одергивай, а понятно было, что ее уже скоро везти не в палату. Следом проехала, свесив ноги с каталки, девица с зеленым хаером, наверное, наркоманка: она материлась для бодрости, готовясь к встрече в аду, а ее подруга придерживала на каталке узелок с пожитками.

Из лязгнувшего дверцей лифта вышел сутуловатый, хотя еще довольно молодой мужчина в салатовой как бы пижаме и стал озираться, вертя головой на длинной шее. У него были почти бесцветные волосы под такой же салатовой шапочкой и глаза тоже бесцветные, но скорее добрые — кажется, чуть с близорукостью.